Аарон встретил свою Смерть, спускаясь по Кинг стрит.

Он даже толком не понял, как сделал такой вывод. Это — он — выглядел в точности как человек, ходил в точности как человек, за исключением того, что каждая косточка в теле Аарона похолодела от осознания того, что это была его Смерть. Аарон свернул за угол на Мясницкой улице, а его Смерть свернула за угол на Уиверс, и они стояли в квартале друг от друга, лицом к лицу, и ни одна ложь в мире не могла увеличить расстояние между ними.

“Оу”, - сказал Аарон, звук сорвался с его губ совершенно непроизвольно. “оу.”

Он продолжал идти удивительно твердой походкой.

Они встретились в середине квартала, перед кузницей. Все было закрыто, к тому же он никогда не слышал, чтобы "клинок" или "щит" помогали, когда Смерть уже пришла. Было поздно: единственным источником света были сторожевые башни на городской стене и звезды где-то там вдалеке. Мир погрузился в тишину, и они были одни.

Он не видел того, кто должен был его убить. Он было подумал на братьев Рафферти, однако час назад бросил их тела в канаву с перерезанными глотками.

“Добрый вечер”. Он мог быть вежливым, когда хотел. Теперь, казалось, настало время приложить усилия. “Значит, это все? Сегодня вечером?”

“Да”. Смерть говорила прямо и откровенно, что Аарон вполне оценил. Никаких приукрашиваний, никаких колебаний и никакой жалости. Простое, уверенное - да.

“ Будет больно?” Ветерок шевелил его волосы, поднимая на затылке волосы дыбом.

Смерть долго смотрела на него. Это был не надменный взгляд на незнакомца. Мужчина не остановился, чтобы взглянуть на заплату на штанах Аарона, которую он тщательно пришил ранее на этой неделе, - заплату веселого синего цвета, которая сносно прикрывала дыру в ткани. Он перестал хромать после этого прощального подарка, но сейчас это не имело особого значения. Его смерть никак не прокомментировала отсутствие у него обуви и грязь на ногах, а также сравнительную чистоту его рук и лица. Аарон заботился о том, чтобы умываться каждое утро. Не каждый ни на что не годный человек так поступал. Он вдруг обрадовался этой привычке: он стоял перед собственной Смертью и знал, что выглядит презентабельно.

Но мужчина смотрел только на лицо Аарона, прямо ему в глаза. У его Смерти были такие же холодные серые глаза, как и у Аарона. И что-то еще было в них, и Аарон знал, что потерял это качество много лет назад: определенное сочувствие, без извинений. Это было совсем другое дело, чем жалость. В другое время, в другом месте и при совершенно других обстоятельствах ему бы понравилось встречаться с человеком с такими глазами. Такие люди недолго продержались в Туокинсе.

“За мной”, - сказала Смерть и повернулась спиной.

Аарон подумал о бегстве. Кто бы этого не сделал? Но он все равно последовал за ней. Он никогда не слышал о ком-то, кто действительно встретил свою Смерть, но истории, которые он знал, не изображали их как особо снисходительных людей.

Они пошли по Кинг-стрит в ту же сторону, куда направлялся Аарон, и повернули к жилищу ткача, тому самому, откуда пришла его Смерть.

“Сэр, могу ли я задать вопрос?”

“Валяй”.

“Сэр, если я еще не умер, тогда почему я следую за вами? Разве это не немного... странно?” У него перехватило дыхание после того, как был задан вопрос, когда его осенила новая мысль: что, если он уже мертв? Бродил ли его дух после того, как умерло его тело? Он оглянулся через плечо, но если он и был мертв где-то на улице, то явно не здесь. Он не хотел становиться призраком. Призраки были плохими существами. Хуже в смерти, чем они были при жизни, а он был порядочной сволочью в жизни. Он всегда надеялся на чистую смерть. Никаких призраков: просто ушел, туда, куда уходили мертвые, в забвение.

Смерть нахмурился. “Это крайне неуместно. Произошел несчастный случай.”

Это были не самые утешительные слова для молодого человека, услышавшего, как говорит его Смерть. Смерть - это одно, а случайная смерть - совсем другое. Несчастный случай со смертью, ничего себе!? Это казалось неуместным. Если ему суждено умереть, он предпочел бы не устраивать из этого не весть что. Он видел достаточно смертей, чтобы знать, что они никогда не бывают красивыми, но, по крайней мере, всегда были окончательными. Живой тогда, мертвый сейчас, и никаких особых заминок при переходе из одного состояния в другое. Даже при смертельных исходах, смертях от болезней или голода, всегда был тот момент, когда дверь закрывалась: мертв и точка. Смерть была очень убедительным, окончательным решением, в котором, по его опыту, было чрезвычайно трудно ошибиться.

В этом есть моя вина?” - спросил Аарон в наступившей между ними тишине.

“Да, - сказала его Смерть, - и нет. Пойдем.”

Это не обнадеживало. Аарон начал чувствовать, что его Смерть была похожа на него в этом отношении. Ни один из них не любил впустую сотрясать воздух..

Они прошли мимо свернутого клубка одеял, который последние несколько ночей служил ему постелью. Шаги Аарона на мгновение замедлились, но голова с продолжала двигаться вперед, и Аарон последовал за ней, пройдя еще полквартиры. Их пункт назначения был совершенно безошибочен.

На полу переулка лежало тело. Его переулок. И это выглядело скорее как—

“Я”. Аарон сглотнул, глядя на свою Смерть в поисках подтверждения. “Он похож на меня”.

“Да, именно из-за этого его и убили”, - сказал новый голос. Тот, который заставил Аарона уклониться назад. Нож скользнул в его ладонь с привычной легкостью.

“О, да ладно, серьезно что ли? Угломните мальчика, или я заберу его сам”, - сказал новый голос с высокомерным раздражением.

Смерть Аарона показала жестом. Своего рода щелчок запястья, хорошо известный в нижнем городе. Когда подставные лица работали над мишенью, заманивая маленькую птичку из верхнего города поглубже сладкими словами и лисьей улыбкой, этот щелчок предотвращал ранние попытки захлопнуть ловушку. Когда соперники дрались, он отмечал матч как личный и предупреждал, что любой, кто вмешается, уйдет со шрамами. Аарон расслабился. Немного.

“Он мой, - ровным голосом произнесла Смерть Аарона, - и ты оставишь его мне”.

Эти слова, должно быть, не придали ему уверенности. Они не были ни вдохновляющими, ни обнадеживающими, ни успокаивающими. Тем не менее, Аарон сунул нож обратно под рубашку и поквитался со своей Смертью.

Новый голос тоже принадлежал Смерти, но не Аарону. Собственный подопечный мужчины лежал у их ног, кинжал вонзился ему в спину, разрезая жизненно важные органы. Похоже смерть была быстрой. Нож был оставлен в качестве послания; единственная причина оставить такой хороший клинок. Его рукоять была обернута красной кожей, обмотанной обрывком белой ткани.

Значит, это были братья Рафферти.

Собственный нож Аарона был отделан черным с золотом, пока он не снял обрезки и не выбросил их. В наши дни это было опасное сочетание цветов. Опасное в том смысле, что заканчивалось холодным лезвием, скользнувшим между ребер, настолько острым, что поначалу было только трудно дышать, и это был один или два вдоха, прежде чем смерть настигала тебя. Он мог так ясно представить себе последние мгновения жизни мальчика, что с таким же успехом мог бы прожить их; так ясно, что ему потребовалось мгновение, чтобы понять, что боль в спине была не его собственной. Никогда не была его собственной.

“Это я, не так ли?” - спросил он у Смертей, прерывая разговор между ними, которого он не слышал. “Я должен был уже вернуться сюда. Я должен был умереть.”

Если бы не головорез, которого он заметил, другой разделался бы с ним более аккуратно. Вероятно, было бы неуместно посылать ему благодарность.

“Ну,” Смерть другого мальчика посмотрела на него определенным оценивающим взглядом, который Аарону совсем не понравился. “У него есть базовые способности к разумному мышлению, я согласен с вами в этом. Но этого будет недостаточно. Позволь мне уладить это. Ты же знаешь, что это единственный выход.”

“Я не согласен”, - заявила Смерть Аарона, его серые глаза были спокойны.

Смерть другого мальчика пренебрежительно махнула рукой. На его пальцах поблескивали золотые кольца. “Отлично. Вопрос семантики: не единственный способ, но вы знаете, что это лучший способ.”

“Я не согласен”, - повторила его Смерть.

Аарон присел на корточки рядом с телом и провел по нему опытными пальцами. Одежда была чрезвычайно простой, не отличающийся от его собственной, особенно в темноте. Но тоньше. Гораздо лучше. Ткань была новой и плотной. Черные волосы мертвого мальчика были коротко подстрижены в стиле уличного мальчишки, и были идеально выстрижены даже внизу и по бокам. Не похоже на одинокого мальчика, подстригающего собственные волосы ножом. Возможно, он был на дюйм или около того выше Аарона и немного более упитанный, но его лицо, его глаза—

“Пусть его душа не блуждает”. Аарон закрыл глаза мертвого мальчика и встал, подтвердив то, что он уже знал. Мальчик был похож на него. Жутковато, особенно в темноте. Особенно для тех, кому нужно было сделать свою работу и уйти. Верхний город обращал внимание на убийства так, как никогда не сделали бы обитатели пещер Туокинса.

Он пропустил еще одну часть разговора Смертей. Вероятно, следует прекратить так делать.

Смерть другого мальчика говорила: "...Верно. Конечно. Потому что это такая простая замена. Кто заметит?"

Голос стал достаточно громким, чтобы привлечь к себе внимание, но ни одно окно в магазинах вокруг них не было открыто, поэтому Смерть кричал, жестикулировал и в целом явно выражал свое недовольство.

"Никто другой не может тебя видеть или слышать". Вопрос, подтверждающий то, что Аарон уже знал. Его собственная Смерть кивнула. "Но я могу. Потому что я уже должен быть мертв?"

На этот раз никакого кивка. Смерть Аарона обратился к коллеге. "Ты не можешь сделать это без моего согласия", - заявил он. "Я этого не позволю".

"Будь благоразумен—"

А потом он начал произносить слово, возможно, имя, но Смерть Аарона заставила его замолчать, глядя на него серыми глазами, похожими на грозовой фронт.

"Мы поступим по-моему", - сформулировал он с болезненной ясностью. "Или мы ничего не будем делать, и тогда они оба умрут. Выбирай."

"Я бы хотел попробовать его план", - предложил Аарон в наступившей тишине.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/77826/2338536>